

**ВОССТАНИЕ ИСА-ДОСАНА НА МАНГЫШЛАКЕ В КОНТЕКСТЕ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

МАЖИТОВ С.Ф.

*Директор института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН
РК, доктор исторических наук, профессор*

Одной из актуальных проблем современной социальной и политической истории выступают теоретико-методологические проблемы познания процесса становления и развития государственной независимости, а также эволюции общественно-политической системы Казахстана. В данном аспекте, по утверждению Президента Н.А. Назарбаева, задача состоит не в том, чтобы дать простой фактологический анализ процесса становления Казахстана как суверенного и независимого государства [1].

Феномен Казахстана в том и состоит, что вопреки ожиданиям глубокого экономического коллапса и, как следствие, внутренней детонации полиэтнического социума, страна сумела бескровно и почти без всплесков гражданского неповиновения пройти труднопреодолимый путь признания государства в международном сообществе как равноправного члена. Сравнительно короткий отрезок времени, за который Республика Казахстан состоялась как суверенное государство, еще раз свидетельствует о том, что, с одной стороны, на протяжении столетий в казахском обществе шло накопление опыта развития политических процессов, основанных на традициях стремления к свободному развитию; а с другой – формирование национальной идеологии и выработка собственных моделей движения к независимому будущему.

В современной периодической печати и специальной литературе имеют место неоднозначные по своему содержанию, не говоря уже об их направленности на конкретных потребителей, суждения и утверждения по поводу этнической истории, национальной территории, истоков

государственности на территории Казахстана и соседних с нами государств. Между тем, постоянное переписывание истории и часто мнимое ее «переосмысление» порождает все новые и новые дискуссии по поводу негативов и позитивов прошлого, что в условиях национальных историографий ведет к зашоренности, взгляду из-за плетня [2]. Постоянно всплывающие исторические рудименты и атавизмы ведут к замкнутости, что непременно препятствует объединению народов и интеграции сообществ.

Поэтому одной из серьезных, требующих сугубо специального научного подхода в процессе своего изучения является история освободительных движений эпохи колониализма. В литературе, как правило, их принято называть «национально-освободительными движениями». Между тем обществоведы и историки не ведут открытых дискуссий по поводу понятий «национально-освободительное», «народно-освободительное движение», «протестное движение», «восстание», «крестьянская война», «революция» и т.д. Иначе говоря, речь идет о неполноценной научной разработанности, и как следствие – появлении самых различных суждений по поводу истории и типологии социально-политических движений, направленных на преобразование общества и государства [3].

Развитие теории и методологии советского историографического знания к середине 1980-х гг. обнаружило, что проблематика освободительного движения стала не только «белым пятном» истории, но и актуальной составной общественно-политической жизни Казахстана. Грядущие исторические перемены уже во второй половине 80-х-начале 90-х гг. стали предметом исторического прогнозирования через обращение к урокам освободительной борьбы в прошлом.

Вышеобозначенные парадигмы определили в целом современный научный взгляд на степень изученности истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII – начала XX вв. в Казахстане. Как отмечала Д.И. Дулатова: «Расставить правильные акценты в развитии казахского общества, взглянуть на жизнь народа с точки зрения исторической перспективы, выявить поступательный путь достижения его самосознания, к которому он шел медленным и мучительным путем - это задача исторической науки сегодняшнего дня» [4].

До последнего времени хронологические рамки истории народно-освободительной борьбы казахского народа доводилась исследователями лишь до 70-х годов XIX в. Последующий за ним 100-летний период от конца XIX в. до 1986-1991 гг. выпадал из поля зрения историков. Так происходило

потому, что в это время отсутствовали открытые выступления казахов против метрополии. Однако этим не снимался вопрос о преемственности в народно-освободительном движении казахского народа за независимое развитие.

Народно-освободительное движение Исы Тленбаева и Досана Тажиева происходило в общем контексте борьбы казахского народа за независимость. Оно неразрывно связано с восстаниями Сырыма Датова, Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова, Джанхожи Нурмухамедова и других. Если события, связанные с названными историческими деятелями, в достаточной мере разработаны в отечественной и зарубежной историографии, то ряд восстаний, имевших место в казахском обществе в период присоединения Казахстана к России, ожидают своего научного исследования и полного осмысления. В этой связи на себя обращают внимание протестные движения хана Вали Абылайханова, Каратая Нуралиханова, Каипгали Ишимова, Жоламана Тленчиева, Марала Кульманова, Тайшыка, Ахмета, Садыка Кенесариных и других. Как отмечала М.И. Стеблин-Каменская: «Все движения рассматриваемого периода были антиколониального характера. Вожди, возглавлявшие их, сумели привлечь к себе более или менее значительные массы казахского народа» [5]. Этим подтверждается народный характер перечисленных событий.

На протяжении всего процесса присоединения Казахстана к России можно наблюдать арену борьбы и противостояния со стороны как лидеров и элит казахского общества, так и широких народных масс. В теоретической совокупности их можно отнести к составным исторического пути к суверенитету и независимости Казахстана. Однако, каждый из этапов и событий этого пути требует своего научного исследования и обобщения на междисциплинарном уровне. Потому что индивидуальность каждого из фрагментов освободительного движения накладывала на общественное сознание свой отпечаток. В силу такого состояния общая типология народно-освободительного движения в Казахстане и других зависимых регионах Российской империи складывалась разношерстно.

Одни исследователи видели в движениях протеста восстания, народные войны, другие занимали противоположную позицию, доходя до полного отрицания в них освободительного содержания. Историческая ретроспектива народно-освободительного движения в Казахстане показывает, что на протяжении всего исторического периода XVIII-XX вв. шел непрерывный процесс освободительной борьбы. Несомненно и то, что он был связан с задачами сохранения маркеров государственности – территории, народа, институтов управления. В то же время тесная взаимосвязь между процессами

формирования государственности Казахстана и освободительной борьбой требует своего теоретического обобщения.

Одну из главных трудностей в изучении проблем народно-освободительного движения в Казахстане представляет проблема ее типологической идентификации, проистекающая из феноменальной, неоднозначной природы процессов, развивавшихся в XVIII – начале XX вв. Если обратить внимание на внешнюю сторону событий, то логика глобальных истоков противоречий выглядит следующим образом. Россия, исходя из своих национальных потребностей, стремилась найти «ключ к вратам Азии», отстаивая, свой политический и экономический интерес. Это влекло за собой естественное сопротивление казахского народа, которое, как правило, заканчивалось вооруженным столкновением сторон. Такая элементарная схема оставляет место только для двух взаимоисключающих взглядов на вещи.

Один – с позиции России, находившей «законные» оправдания для своей политики. Другой – с позиции казахского народа, у которых было полное право эту политику принимать или отвергать. Подобные подходы неизбежно переводят проблему в плоскость идеологии, морали, эмоционального выяснения «кто прав и кто виноват» – во имя «торжества справедливости». Разумеется, и нравственный аспект протестного движения заслуживает внимания, но он не может быть предметом науки или методологическим инструментом.

Уроки отечественной историографии в изучении проблем народно-освободительного движения в Казахстане являются отражением вышеназванного феномена. В этой связи возникает необходимость в научном анализе типологии народно-освободительного движения в Казахстане в XVIII – начале XX вв. Вместе с тем, требуется выяснить истоки и содержание названной дефиниции.

Восстания в казахской степи неизменно квалифицировались и в исторических трудах, и в правосознании российской общественной мысли, освященном имперским законодательством как «бунт», «мятежи», «разбой», «смута» и т. п. Как правило, они кончались поражением, и материалы о них, всегда особенно подробные при описании расправы над повстанцами, в изображении «заслуг» усмирителей, явно предназначались для целей если не прямого, то косвенного предостережения, острастки последующим поколениям простого люда; эти материалы как бы предупреждали наглядными

примерами о бесперспективности восстаний, о неминуемо трагической участи всякого такого выступления, каждого его участника.

Кроме того, официальная историография призвана была противопоставить оппозиционным по их сущности представлениям, какие закреплялись и распространялись среди простого населения народной молвой, отчасти фольклором и другими путями, свое, угодное и выгодное колониальной политике толкование событий в казахской степи. Разработкой официальных версий истории массовых «мятежей» – версий, довольно тонко фальсифицированных, весьма правдоподобных, строившихся на использовании как положительных, так и отрицательных фактов, – преследовались цели изобразить не то, что имело место в действительности, а нечто совершенно иное, отвечавшее имперским понятиям и стереотипам. Подлинное содержание народных выступлений казахов выхолащивалось, их смысл сводился к действиям в защиту священных имперских принципов, во имя сохранения и укрепления позиции империи, во исполнение «воли российского императора», выступавшего в качестве символа утверждавшихся политических и социальных порядков.

Нельзя не учитывать того феномена, что официальная концепция народных движений на окраинах Российской империи питалась не только монархической идеологией и моралью правящего класса, но и царистскими предрассудками крестьянства как основы освободительного движения. В свою очередь, попадая на такую благоприятную почву, как наивно-монархические представления крестьянства, эта концепция оказывала очень сильное влияние на его общественное сознание, социальную практику и поведение.

Органы государственной власти, которые непосредственно регулировали крестьянские протесты: министерство внутренних дел и генерал-губернаторства были склонны объяснять протест в казахских аулах обыкновенным «брожением» или другими стеченьями неблагоприятных обстоятельств. Под этим подразумевался рост недовольства, вызванные частыми контактами в районах Пограничной линии, территории казачеств и т.д.

Иными словами, объективно, в конечном счете, цель официальной историографии заключалась, в частности, в том, чтобы подавлять и искоренять тягу низов общества к сопротивлению гнету – экономическому, социальному, политическому и духовному. Собственно, именно этим наряду с прочими функциями и определялась роль российской историографии

истории народно-освободительного движения XVIII – начала XX вв. в Казахстане.

Подобное изложение было уместно в советской историографии, когда тяжелое положение эксплуатируемых классов и народов во все времена до Октябрьской революции служило контрастом бесклассовому советскому обществу, при котором эксплуатация якобы отсутствовала. Но разве в действительности существовало общество без эксплуатации? И существует ли такое где-либо сейчас или в обозримом будущем? Предметом исторического анализа должны являться идентифицирующие признаки, т.е. отличительные, характерные именно для интересующего нас народа в конкретную историческую эпоху.

Наличие эксплуатации у казахов, скажем, не отличало от того, что было у современных им русских. Таким признаком являлось различие форм производственных, политических и социальных отношений, в том числе и форм эксплуатации, но не наличие эксплуатации как таковой. Ибо как раз свободы в казахском обществе было значительно больше, чем в чисто русских областях Российской империи. Без осознания этого факта нельзя понять историю восстаний казахского народа и их принципиального отличия от протеста как «бессмысленного и беспощадного бунта» в том смысле как это понимал А.С. Пушкин. Правда впоследствии почти вся так называемая «дворянская» и «буржуазная» историография при оценке протестного движения в Казахстане исходила именно из подобного понимания «бунта».

Для «бунта» в значении, в котором употреблялся этот термин российской колониальной историографией досоветского периода, справедлива оценка П.Б. Струве: «Социальные результаты смуты для низов были не только ничтожные, они были отрицательные. Поднявшись в анархическом бунте, направленном против государства, оседлые низы только увеличили свое собственное закрепощение и социальную силу господ» [6]. Для казахских восстаний исторична совершенно другая оценка. Свободные люди восстают только тогда, когда ущемляются их права, а не от «тяжелого гнета», так как сам «гнет» объективно присутствует всегда. В данном случае налицо конфликт правовой, статусно-ролевой, но не классовый. Последнее и служило основанием для построения концепции об антифеодальном типе восстаний в Казахстане.

В 1936 г. впервые в советской историографии в работах И.В. Сталина появился термин «национально-освободительное движение». Во многом это также было связано со сталинским определением термина «нация». В 20-30-е годы для сталинского режима была характерной критическая оценка прошлого Российской империи, что позволяло освещать историю покоренных народов, особенно национально-освободительные движения, достаточно объективно. Под флагом «классовых интересов» «вождь» и его группа требовали сплошь черными красками изображать все, что было до «сталинской эры», в речи «О задачах хозяйственников» 4 февраля 1931 года Сталин утверждал, что «старую Россию» «непрерывно били за отсталость...

монгольские ханы, турецкие беки, шведские феодалы, польско-литовские паны, англо-французские капиталисты, японские бароны. Били «безнаказанно» за отсталость военную, культурную, государственную, промышленную, сельскохозяйственную, за то, что Россия будто бы отстала «от передовых стран на 50-100 лет».

Эта установка нашла отражение в вышедших в августе 1934 «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР». В них И. Сталин, А. Жданов, С. Киров отмечают: «В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, Октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание СССР» [7].

Важной методологической проблемой, которая рассматривалась при оценке освободительных движений в колониально-зависимых странах является вопрос о роли представителей господствующих классов. Немаловажное место в существовании мнений о реакционном характере освободительных движений в XVIII-начале XIX вв., занимает упрощенный подход к оценке роли местной элиты. Заблуждения историков были обусловлены субъективизмом в оценке национально-освободительного движения, которым страдали в 30-х гг.

XX столетия взгляды отдельных представителей международного коммунистического движения. Так, положение об отрицательной роли представителей господствующих классов, а также та характеристика национальной буржуазии, которая была дана И. В. Сталиным в его речи в Коммунистическом университете трудящихся Востока, произнесенной в 1925 г., получили развитие в тезисах и решениях VI Конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу. Между тем, последнее стало официальной установкой при определении сути концепции национально-освободительного движения: преувеличивалась зрелость классовой борьбы внутри колоний, якобы достигшая уже такого уровня, что господствующие классы могли обеспечить свое существование, только связав свои судьбы с судьбами угнетающего их колониализма. При этом преувеличивалась степень сознательности и организованности народных масс.

Оправдание колониальной политики обрекло все сопротивляющиеся ей движения на ярлыки «феодално-монархических», «националистических». Жесткий принцип «Кто не с нами, тот против нас», понимаемый в исторической науке как «кто не с империей, тот против линии ВКП(б)» был использован и против народных героев, батыров, государственных деятелей

прошлого. В 40-50-е годы было принято несколько беспрецедентных решений, признавших борьбу горцев Чечни и Дагестана, Андиганское восстание 1898 г., движение под руководством К. Касымова реакционными, националистическими. В это время народы должны были гордиться в первую очередь победами русского оружия над врагами, в том числе и над своими предками. Те же лидеры национально-освободительной борьбы, кто выступал против порабощения и одерживал победы над «старшим братом», должны были кануть в лету. На официальном уровне установлена была некая иерархия национальных величий. В последующем советская историография приукрашивает колониальную эпоху Казахстана, представляя ее как непрерывное и едва ли не осознанное движение казахского народа к Октябрьской революции. В то же время историки всячески сглаживали или даже замалчивали неудачи и поражения колонизаторов, которым для захвата Казахстана потребовалось почти полтора века [278, с. 71].

Такие методологические установки стали основой классификации национально-освободительных движений. Они теперь квалифицируются как национальные или националистические (т. е. исходя из субъективной оценки их характера - «прогрессивного» или «реакционного»), буржуазно-демократические, феодально-сепаратистские (с. учетом классового содержания). Основным критерием для подобного противопоставления так или иначе выступает их оценка с «классовых позиций» и соответственно установка на то, что этническая общность (нация, народность, национальная группа) не обладают специфическими групповыми интересами.

Многие начинают видеть особенность российского колониализма в «добровольном присоединении» народов Средней Азии и Кавказа, Сибири к России. Происходят даже отрицание колониального характера Российской империи на том основании, что «колониализм как феномен сугубо капиталистический» и «западный» в конкретной исторической ситуации николаевской реакции, с точки зрения дальнейшего развития империи выступал фактором прогресса, способным изменить социально-экономическую, а затем и политическую динамику России и попавших в ее орбиту территорий [278, с. 72].

Созданное решениями VI Конгресса Коминтерна клише на изучение освободительных движений в колониальных и зависимых странах существовало вплоть до распада СССР. Это существенно сказалось на исследованиях, посвященных истории освободительных движений как в национальных окраинах царской России, так и в странах зарубежного

Востока. В деформации научного подхода к пониманию сущности национального вопроса и оценке освободительных и национальных движений в различные эпохи общественного развития значительную роль сыграла точка зрения И.В. Сталина.

В 1945 году М.П. Вяткин отмечал: «В ряде работ, посвящённых истории народов, ранее угнетаемых царизмом, намечались тенденции вообще отрицать наличие крестьянских войн у этих народов и рассматривать всю их борьбу только как антиколониальное движение. ...Авторы не уделили данному вопросу достаточного внимания и совсем не сделали попытки вскрыть специфику классовой борьбы в кочевом обществе» [161, с. 72-85].

В 50-х гг. XX в. в связи с активным участием Советского Союза в процессе деколонизации мира появились понятия «народно-освободительное движение», «антифеодальная и антиколониальная борьба». Анализ трудов по истории народно-освободительных движений в зарубежных странах показывает, что оттепель 50-х гг. XX века лишь частично способствовала преодолению ранее допущенных ошибок [8].

К концу 50-х годов XX века концепция ленинградского исследователя относительно типологии народно-освободительного движения в Казахстане как крестьянского движения эпохи феодализма практически теряет свою актуальность и сводится на нет. «До недавнего прошлого для ряда казахстанских историков отрицание М.П. Вяткиным прогрессивного значения присоединения казахских жузов к России служило теоретической базой для восхваления всяких реакционных, антинародных и тормозивших этот процесс выступлений против России многочисленных казахских батыров и султанов. Большая ошибка М.П. Вяткина заключается в том, что он, полностью отрицая прогрессивное значение добровольного присоединения казахских жузов к России, поднял на щит реакционных казахских батыров и султанов, которые боролись против этого присоединения» [9].

Согласно энциклопедическому словарю «Политология», «национальный вопрос – это вопрос о причинах возникновения недоверия, вражды и конфликтов между нациями, с одной стороны, и нациями и существующей системой власти в многонациональном обществе - с другой, о формах, методах и условиях его решения в интересах мирного сожительства и добрососедства, прогресса наций на основе равноправия, суверенности и демократизма» [10]. В советской науке и социально-политической практике термин «национализм» использовался в негативном смысле и содержал оценку определенных социальных движений, которые по каким-либо

причинам недотягивали до признания их «национально-освободительными» «Буржуазному национализму» было принято противопоставлять «пролетарский интернационализм» [11].

Определение восстаний в Казахстане как «антифеодальных» не выдерживает критики. Оно было полезным на определенном этапе развития историографии, вынужденной пользоваться этой терминологией для снятия негативных определений этого феномена в советской науке, ранее объявлявшей восстания в Казахстане «реакционным движением байской верхушки». Если следовать сути термина «антифеодальные движения», то получается, что казахи воевали с царскими войсками во имя буржуазных реформ. Лозунги восстаний казахов никогда не были антифеодальными или антимонархическими. Наоборот, они выражены в терминах монархического правосознания. Например, в плане замены одного хана, не выполнившего свои обязанности по отношению к своим соотечественникам на другого, как это было в восстаниях Сырыма Датова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Требования казахских повстанцев четко фиксировались ими, часто носили внешне реалистичный характер, и не ставили целью изменение существующего строя или бессмысленного истребления феодалов.

Антифеодальный характер крестьянских восстаний отрицал также известный востоковед Л.С. Васильев, утверждая, что эти восстания по своей социально-экономической сути «никогда не были и принципиально не могли быть антифеодальными... ибо они не только не содействовали крушению существующего строя, но, напротив, вели к его укреплению и стабилизации, к его выправлению, приближению к желаемой норме, воспринимавшейся в качестве разумной и справедливой»; они не только не расшатывали, но, наоборот, регенерировали и стабилизировали «привычный строй» [12].

Крестьянские и другие народные движения служили не стабилизации существовавших в традиционном обществе порядков, а дальнейшему развитию всей системы социально-экономических отношений и политического строя, придавали общественным отношениям определенный динамизм, способствовали вызреванию тех или иных общественных институтов, приближая тем самым начало их разложения, т.е. выступая своеобразным катализатором, важной движущей силой исторического прогресса. «В выступлениях против колонизаторов главной целью борьбы был захват политической власти. Антифеодальные движения тогда стояли на втором – плане; их задачи не были четко сформированы – вот общие проблемы, борьбы, которые мы прослеживаем и в Казахстане в XIX в. Одновременно вспыхивают несколько очагов восстаний. Поднимаются на борьбу казахи многих регионов, в том числе и на Мангышлаке.

Термин «национально-освободительное движение» по марксистской типологии используется крайне произвольно. «Так, по К.Марксу, восстание венгров за свою независимость являлось прогрессивным и подходило под определение «национально-освободительного», а славян – не являлось и не подходило. В силу той же русофобии Маркса чеченцы и черкесы, жившие при родоплеменном строе, но воевавшие против русских, подходили под это определение, а чехи и сербы, со сложившимся не просто классовым, но капиталистическим обществом, и боровшиеся против господства австрийцев и венгров – нет» [13].

Справедливости ради следует отметить, что за феодальными руководителями К. Маркс и Ф. Энгельс видели народ, восставший против господства чужеземцев, и все их сочувствие было на стороне угнетенных, хотя они понимали бесперспективность «феодального национализма», лишённого будущего и не способного выстоять в борьбе с колониальным капитализмом [14].

В первой половине 90-х гг. учеными Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова была впервые предпринята попытка рассмотреть историю освободительного движения в Казахстане как цельного явления. В разделе «Основные этапы, итоги и проблемы освободительных движений периода присоединения Казахстана к России» издания «История Казахстана. Очерки» (1993 г.) крестьянское движение в Казахстане периода присоединения Казахстана к России рассматривается исследователями как одно из звеньев в истории национально-освободительной борьбы народов Российской империи. В то же время утверждалось: «Однако о характере, особенностях борьбы казахского народа против колониальной политики России до сих пор среди ученых нет единого мнения. Расхождения во взглядах по важнейшим вопросам народно-освободительного движения в изучаемый период объясняется прежде всего недостаточной изученностью социально-экономических отношений накануне, в период и после подавления восстаний. Сохранение в современной казахстанике порою диаметрально противоположных суждений, в некоторой степени следует интерпретировать отсутствием серьезных документальных сборников и материалов» [История Казахстана. Очерки. – Алматы: Дәуір, 1993. – С. 201-220].

В начале 1990-х гг. по инициативе Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова были проведена региональная конференция «Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия и Северный Кавказ)» (1990 г.), объединившая усилия ученых по изучению данной проблемы, во многом способствовала расширению творческих контактов, взаимному обмену взглядов, выработке новых концептуальных позиций,

выявлению специфики освободительных движений в различных регионах и обобщению устоявшихся положений в этом аспекте.

Несмотря на то, что каждый взятый в отдельности этап народно-освободительного движения в Казахстане уникален, он объективно несет в себе некоторые черты и обладает определенными параметрами, позволяющими типологизировать весь процесс освободительной борьбы. В основу подобной типологизации в первую очередь положить определенное сходство причин, которыми были вызваны народные движения и социальные конфликты. Например, внешнее вмешательство Российской империи и социальная нестабильность внутри казахского общества. Противоречия такого рода, различаясь по масштабам, интенсивности и результативности, сопутствуют всей истории народно-освободительного движения в Казахстане.

В свою очередь причины, а точнее конфликты могут типологизироваться и по такому признаку, как характер противоречий, лежащих в их основе. Последние в свою очередь могут быть подразделены на антагонистические и неантагонистические, на внутренние и внешние. Противоречия могут различаться также по сферам их проявления (экономическая сфера, политическая, духовная, межэтнических отношений, внешнеполитическая и т. д.).

Типы противоречий и конфликтов позволяют на сегодняшний день обозначить следующие типы освободительных движений в Казахстане в XVIII – начала XX вв.

- **Крестьянская война** – форма политической борьбы в условиях феодального общества, которая сопровождается открытыми военными действиями между противоположными сторонами;
- **Крестьянское восстание** – стихийная форма протеста против существующей власти, которая может приобретать форму крестьянской войны; этап народно-освободительной борьбы;
- **Протестное движение** – форма человеческой деятельности, условия возникновения которой характеризуются нестабильными социально-экономическими условиями, что делает выступления массовыми.
- **Народно-освободительное движение** – форма борьбы народа против колониализма, характерная для аграрных и традиционных обществ, конечной целью, которой является достижение государственного суверенитета и национальной независимости. Вместе с тем, это цельный исторический процесс, который включает в себя этапы освободительной борьбы в виде народной войны, крестьянского восстания, движений протеста и политической борьбы.
- **Национально-освободительная борьба** - социально-политический термин, применяемый к характеристике явлений протеста и

форм борьбы в обществе, оценка которых зависит от императивов идеологии данного исторического типа государства и нации.

Обратимся к непосредственному содержанию того, что подразумевается под народно-освободительными движениями, их внутреннему содержанию на уровне теоретическом.

При всем многообразии точек зрения относительно природы народно-освободительного движения, причин его возникновения, его места и роли в жизни общества, исследователи, обычно, сходятся либо на их идеализации, либо на их окрашивании в темные тона. И то и другое в конечном счете ведет к созданию усеченного образа народно-освободительных движений и их характеристик.

Многие аспекты подобных подходов выглядят, по-нашему мнению, спорными и нередко вызывают закономерные сомнения, как, например, характерное для большинства постсоветских исследований видение народно-освободительного движения только с позиции борьбы за государственную независимость и суверенитет. Последнее и вызвало к жизни понимание об антиколониальной, антифеодальной борьбе казахского народа как народно-освободительном движении. С точки зрения теории государственности и эволюции борьбы народов за независимость это оправданно. Но как быть с тем многообразием проблем и специфик, которые имели место на каждом из этапов народно-освободительного движения? Как объяснить причины участия в нем различных социальных слоев, программные и природные установки которых порой расходились или противоречили сути народно-освободительной борьбы, а где-то были и не связаны с ней? Наконец, где объективность истории и историка? Примеров тому, что история народно-освободительных движений освещалась в угоду существующей идеологии и властвующего официоза в историографии предостаточно.

Нельзя не отметить, что сомнения в адекватности традиционного определения понятия «национально-освободительное движение», его признаков, этапов, исторических характеристик высказывались рядом исследователей в рамках дискуссий, в том числе советскими и постсоветскими исследователями.

Не спасают ситуацию и попытки изучения типологии народно-освободительных движений, которые часто сводятся лишь к констатации понятий «бунт», «восстание», «народное движение», «война», «революция», «протестное движение» и т.п. При этом не все исследователи снисходят до объяснения определений этих категорий, часто ограничиваясь их

ширменным привязыванием к тому или иному этапу освободительного движения. В результате складывается ситуация когда ярлык данный тому или иному восстанию, не соответствует его истинному контенту и своеобразию. Это порождает в свою очередь череду исследовательских экспериментов, которые в конечном счете выливаются в однообразную трактовку истории народно-освободительного движения. Потому и получается, что выпячивается тот или иной его этап, а цельный процесс не вырисовывается.

Последнее выглядит не случайным, поскольку постановка указанной проблемы весьма важна и целесообразна для анализа политических процессов и изменений в обществе. Популярные, например, в нашей литературе рассуждения о народно-освободительном движении, не всегда, к сожалению, дополняются анализом механизмов, через которые они осуществлялись. Остается неясным, насколько и как сходились в процессе борьбы за освобождение от иноземной власти интересы совершенно разных социальных групп (ханов, султанов, батыров, биев, баев, шаруа и др.).

Примечательными с точки зрения понимания категории «народно-освободительное движение» выглядят существование, механизм появления и формулировки таких важных для политической жизни концептуальных понятий, как «государственные интересы», «империя и окраины», «протест и поведение различных социальных слоев населения» и т.д. Актуальной представляется постановка указанной проблемы для правильного понимания общих тенденций к политической интеграции в ходе народно-освободительного движения в той или иной форме.

Понимая сложность темы, учитывая ее специфику, обширность существующей по данной проблеме литературы необходимо исключить чисто спекулятивную ее постановку. Целесообразным, с нашей точки зрения, представляется её поаспектное решение в рамках комплекса конкретных исследований по истории народно-освободительного движения в Казахстане и сопредельных с ним регионах.

Обратимся к непосредственному содержанию того, что подразумевается под народно-освободительными движениями, их внутреннему содержанию на уровне теоретическом. Поскольку широк диапазон проблем, которые включает в себя весь спектр теории народно-освободительного движения, предметом специального внимания является тезис, толкующий слабую совмещаемость движений протеста и идеологического основания политической борьбы при обособленных изменениях.

Для типа обособленных изменений был наиболее характерен низкий уровень совмещаемости, а иначе говоря, высокий уровень обособленности среди движений протеста и конфликтов. Сопутствующим обстоятельством оказывалось то, что этому типу соответствовал низкий уровень идеологического обоснования политических целей и политической деятельности.

Нет необходимости говорить, что эти признаки могли усиливать друг друга. Крупное восстание часто ослабляло правителей, в результате между вожаками восстаний и центральными элитами формировались коалиции. Образовывались также коалиции между различными религиозными группами, движениями инакомыслия и вожаками восстаний, с одной стороны, и представителями центральных элит — с другой. Однако режимы патримониальных и племенных общностей демонстрировали исключительно слабую тенденцию к организационному или символическому слиянию этих различных видов деятельности или образований, а также к выдвиганию общих долгосрочных программ или новых видов институциональной деятельности (особенно тех, что ведут к радикальному изменению принципов доступа к власти).

В целом движения протеста, политическая борьба и другие формы протеста, так же как образцы институциональных нововведений, действовали каждый сам по себе. Некоторые восстания просто иссякали; какие-то движения приводили к возникновению в обществе новых – второстепенных или маргинальных групп. Наиболее сильные из этих вновь образованных групп изменяли соотношение сил между центральными группами, а некоторые, как мы увидим, превращались в важные структурные анклав. Но, повторим, они редко выдвигали новые концепции социального порядка или осуществляли реорганизацию институциональных структур; исключительно редко они оказывали прямое воздействие на процесс переустройства политических центров. Самое большое, такие движения протеста могли заставить правителей вносить какие-либо перемены в свою политику.

Термином «бунт» инородцев, появившимся в русской и западной исторической литературе первой половины XIX в., принято обозначать вооруженную борьбу между национальных окраин Российской империи. Но причины, содержание и последствия этой борьбы понимаются по-разному. Не отрицая, что народно-освободительная борьба народов была вызвана продвижением России на восток, русские дореволюционные авторы целиком

оправдывали решительную политику Петербурга на этом направлении исторической необходимостью, державными интересами и даже нравственными соображениями (цивилизаторская миссия, избавление христианских единоверцев от мусульманского ига и т.д.). В качестве одного из главных аргументов проводилась мысль о провокационном поведении самих инородцев, которые в силу своей «дикой» и «хищнической» натуры (обусловленной неблагоприятной природной средой обитания и этнопсихическим складом), совершали грабительские набеги на русско-казачьи территории.

Общественные движения на всех этапах истории человеческого общества были проявлением противоречий разного рода классовых, национальных, этнических, религиозных. Особую группу противоречий представляли движения, направленные против колониальной экспансии и политики России, европейских держав на Востоке. В реалиях, однако, в одних и тех же движениях могли сочетаться разные типы борьбы.

Логика развития отечественной науки побуждает собирать, проверять и изучать по многоязычным источникам данные, раскрывающие мотивы поведения людских масс в разных регионах страны, своеобразие причин формирующего настроение на отдельных представителей и лиц разных этносов (либо узкого круга эгоистически настроенных групп, преследующих свои корыстные цели), а именно всего народа, населения, как целостности, ибо только так мы и сможем прорваться к познанию самого важного – глубинных причин взрывов протеста, степени готовности к долгой борьбе. «Кто станет отрицать, что проделано в смысле изучения народных движений разных регионов много? В монографиях, в частности, непосредственно по Кавказу и Средней Азии сделаны даже попытки сопоставления процессов их развития, но каждый может убедиться насколько слабо пока учитывались в каждом случае природно-географическое положение изучаемого региона, своеобразие исторического пути развития, процесса формирования государственности (или отсутствие их хотя бы сколько-нибудь развитых элементов), место хозяйственного уклада каждой народности в масштабах всего края, психологический склад, религиозные традиции и обычаи участвующих в движении народов» [4, с. 9].

При анализе рассматриваемой проблемы типологии народно-освободительного движения в Казахстане на передний план выступает еще одна актуальная проблема. Прежде чем дойти до современного понимания соотношения народного и национального в ходе движений протеста как

основы общенациональных интересов, исследователи прошли через деформации эпохи социализма. Ранее считалось, что «нация – тип социально-этнической общности людей, складывается при переходе от феодализма к капитализму либо в процессе развития капиталистической или социалистической формации. Но в ряде освобождающихся стран Африки и Азии национальная общность начинает формироваться и в условиях перехода от первобытнообщинного общества к капиталистическому или социалистическому.

От стадияльно предшествовавшего ей типа этнической общности – народности нация отличается прежде всего большей внутренней сплоченностью, что выражается в установлении прочных экономических связей, в образовании национального государства, в сильном развитии этнического самосознания и т. д. Специфическая особенность национального процесса в освобождающихся странах состоит в том, что для многих племен и этнических групп народность и нация не являются обязательными стадиями их этнического развития. Многие малые народы, в частности отдельные племена и малочисленные языково-территориальные группы, не могут образовать самостоятельной нации и на какой-то стадии своего развития обычно сливаются с крупными нациями, ассимилируются ими. Для существования и самостоятельного развития нации ее численность должна быть достаточно большой, чтобы обеспечить разделение труда по классам и профессиям, соответствующее современному уровню развития производительных сил общества» [15].

Однако, подобное объяснение неприемлемо с точки зрения присутствия интересов нации и национализма в процессе освободительной борьбы, а также философско-антропологического взгляда на этническое. Между тем процессы трансформации личностных идентификационных ориентиров, протекающие в ситуации нациогенеза в его различных формах позволяют под совершенно иным углом рассмотреть феномен национализма [16].

Национализм – идейное течение в данном народе, имеющее целью и задачей приумножение материальных и духовных ценностей на основе независимости, самостоятельности и раскованной духовной энергии. Оттенки национализма весьма многообразны в зависимости от исторической судьбы народа. В современном понимании казахский национализм является синонимом понятия «национально-патриотическое движение казахского народа». Казахский национализм есть инстинкт самозащиты, естественная

реакция на имперское правление, потому носит защитный оборонительный характер. Во временном аспекте он является проявлением преклонения перед героическим прошлым, уважения к современности и желания успеха в будущем [17].

Плюрализм интересов политических сил и социальных страт является, безусловно, одним из стимуляторов освободительного движения, определяя его направленность, темп и интенсивность. Причем исследователями доказано, что плюрализм интересов возрастает в полиэтнической и поликонфессиональной среде. В странах этнически и конфессионально однородных плюрализм интересов сужен, соответственно увеличивается вероятность выработки и формирования общего интереса.

Там, где общество участвует в выработке такого интереса, он становится «общенациональным». В условиях народно-освободительного движения в Казахстане XVIII – начала XX вв. функцию защиты национальных интересов брала на себя власть в виде лидеров, а позже представителей национальной интеллигенции.

В данном случае общие интересы тех, кто руководит протестными движениями выступает как приоритетно государственный и часто совпадает с общенациональными интересами. Но при этом они не выражают и отражают интересы всего общества, в том числе и его отдельных частей (элит, партий, социальных групп и т.д.). Говоря о социально-историческом значении освободительных движений казахского народа XVIII – начала XX вв., в том числе и восстания Исы-Досана, следует иметь в виду, что они своим социальным консерватизмом, стремлением к стабильности социальных связей внутри этноса, способствовали сохранению социума, его традиций, самобытной культуры и тем самым вносили вклад в развитие человеческой цивилизации. Именно этот глубинный социально-культурный контекст и определял основную историческую роль, и главную функцию освободительных движений казахов в эпоху традиционных общественных отношений.

Правда, выступления в каждом из регионов имели свои особенности. «В отличие от других регионов Казахстана на полуострове Мангышлак фактическое введение Временного положения относится к 1870 году. Адаевцы – это древнейшее казахское племя, состоявшее из 27 отделений, испокон веков населявших Полуостров, были последними носителями независимости. Проведение среди них Временного положения означало ликвидацию последнего очага независимости казахского народа.

Опираясь на казачьи отряды, царские чиновники всеми силами старались привести их к полной покорности. По отношению к ним, как к дикому, «воинственному племени», колониальное начальство, и даже А.Г. Гейнс, готовивший проект реформы 1867-68 гг., требовал принятия жестоких мер. Отсрочка в проведении реформы на Мангышлаке, таким образом, была сделана не без основания» [18].

В целом, в Казахстане национальные движения выступали за сохранение традиционных институтов казахской государственности, стабильности казахского общества и целостности территории. В этом сходились интересы различных слоев, групп и классов. Исходя из этого, их следует оценивать как прогрессивный процесс. На протяжении всей истории освободительного движения казахским народом владело стремление идентифицировать свою борьбу с национальными интересами.

Поэтому можно утверждать, что освободительное движение составляет в определенной мере основу и содержание национальной идеи в Казахстане в XVIII–XX вв. Народно-освободительное движение казахского народа за суверенитет и независимость есть цельный исторический процесс, за которым стоят судьбы и жизни тех, кто верил в светлое будущее своего народа и Отечества.

Казахстанский путь, переживаемый обществом сегодня, был сложным и тернистым. Составной дороги, по которой рука об руку вместе с Президентом, народ страны пришел в день настоящий явилась совместная выработка стратегии независимости, которая была основана на знании уроков истории [19]. Семимильные шаги современной независимости были бы невозможными, если бы у их истоков объективно не стояла борьба казахского народа за независимость и сохранение основ своей государственности.

Таким образом, обращение к ранее малоизученным страницам истории, теоретико-методологическому анализу и подведению отдельных историографических итогов изучения народно-освободительного движения в Казахстане является актуальной и общественно значимой научной проблемой.

Мақалада автор XIX ғасырдағы ұлт азаттық көтерілістерге сипаттама бере отырып, олардың қозғаушы күші туралы айта отырып, Досан бастаған адай көтерілісінің патша үкіметінің колониалдық саясатына қарсы бағытталғандығы жөнінде сөз қозғайды.
